

А.К. ФРОЛОВ (г. МОСКВА)

Ж.М. Абдильдин, А.С. Балгимбаев.

*Диалектика активности субъекта в научном познании.
– Алма-Ата: изд-во «Наука» Казахской ССР, 1977. – 304 с.*

Проблема активности субъекта является, безусловно, центральной в диалектике как теории познания. Именно активность познания обеспечивает выполнение требований объективности и всесторонности рассмотрения, включения практики в теоретическое определение предмета, конкретности истины. Деятельная активность субъекта и есть та почва, на которой совпадают диалектика, логика и теория познания. Остановите этот процесс – и вы получите «бытие», «мышление», «познание» как голые результаты, а активность из их имманентной сущности превратится во внешний принцип, который надлежит в познании «применять». К каким последствиям ведут подобные «остановки понятия», хорошо известно из истории философии.

Поэтому авторы рецензируемой книги рассматривают само познание как частный случай или момент человеческой активности вообще. Познавательная активность мышления определяется Ж.М. Абдильдиным и А.С. Балгимбаевым как идеальная форма, проекция процесса материальной практической деятельности (с. 30, 100). Неактивности познания, каким оно выглядит в своем «остановленном понятии», в действительности не существует и никогда не существовало. Об этом убедительно свидетельствует вся история науки. Но субъективно этот факт осознавался не всегда. Поэтому далеко не лишним оказывается предпринятый авторами детальный историко-философский анализ становления идеи активности. Ему целиком посвящена первая глава, в которой показывается,

что суть реальной проблемы и теоретической коллизии, занимавшей умы ученых на протяжении столетия, состояла в необходимости согласования принципа отражения с тем фактом, что познание сущности явления, выделение его в чистом виде возможно только в определенных условиях, создаваемых деятельностью человека, в процессе изменения познаваемого объекта при помощи материальных орудий и синтеза полученных данных в целостную научную картину при помощи идеальных логических орудий – категорий, «объективных мыслительных форм». Домарксовский материализм не справился с этой проблемой и уже в лице Ф. Бекона отказался от признания активности познания и роли его орудий, зачисленных в разряд «идолов познания». Точно так же и идеализм, перенося активность целиком в сферу мышления, идеального, остался, по существу, в рамках созерцательности, гегелевского «некритического позитивизма», принятия наличного эмпирического существования. Только марксизм сумел преодолеть обе разновидности созерцательности, разрешив противоречие между метафизическим материализмом и немецким классическим идеализмом от Канта, показавшего, что объект познания не существует вне отношения субъекта, до Гегеля, отождествившего кантовский объект с действительностью.

Анализ развития проблемы и ее марксистского решения тем более поучителен, что современное естествознание (теория относительности, квантовая теория) сталкивается с теми же самыми трудностями. Авторы отмечают, что «ситуация, которая сложилась в квантовой теории... в логико-гносеологическом отношении поразительно сходна с той, которую описал Кант в «Критике чистого разума» (с. 235). Незнание диалектики и сегодня приводит отдельных выдающихся естествоиспытателей к тупикам идеализма, т.е. к фактическому отказу от познания. Современное физическое познание и его методология насквозь антиномичны. В книге показано, что противоречия

между крайними взглядами на эксперимент и измерение, на природу волновой функции, проблема дуализма волны и частицы, спор Бора и Эйнштейна и т. д. разрешимы только в рамках диалектико-материалистической методологии.

Диалектика не ограничивается простой конъюнкцией крайних высказываний, нахождением «золотой середины» или «устранением» противоречий, – она указывает путь к действительному их разрешению в рамках более общей теории. При этом важнейшим условием создания более общей и мощной теории является усиление активности субъекта в познании: «возрастание активности субъекта есть оборотная сторона усиления объективности физического познания» (с. 268). Между крайними терминами логических звеньев процитированного высказывания лежит целая цепь посредствующих звеньев, в которых и выражена точка зрения авторов на сущность познавательной активности субъекта.

В книге раскрывается диалектика субъектно-объектных отношений, складывающаяся в процессе познания и преобразования человеком окружающей действительности. Идеи о взаимодействии и взаимоформировании объекта и субъекта в познании восходят еще к Канту и Фихте, но в течение длительного периода они истолковывались неверно. Отождествление объекта с действительностью приводило к объективно-идеалистическим концепциям. Обратное отождествление – объективной действительности с объектом исключало всякую возможность активности субъекта и неминуемо вело к созерцательности. Различение объекта познания, понимаемого как «человеческая чувственная деятельность» (К. Маркс), и объективной действительности является ключом к разрешению диалектического противоречия активности и отражения. Познание, отражение является формой деятельности субъекта, продукт которой – научные понятия, категории – отражает не предмет в его неподвижности, не абстрактно-

общие признаки, присущие одновременно всем предметам одного класса, а способы преобразования предметов в практике человека. «Познание логики практического преобразования объекта есть, по существу, познание закономерностей материального мира» (с. 99). Категории в этом смысле предстают как «схема активного овладения, преобразования субъектом объекта познания» (с. 100).

Реализуя ленинское положение о деятельности человека как форме объективной реальности, авторы различают два вида субъективности. От субъективности, равной субъективизму, искажавшей реальные связи и отношения действительности, необходимо решительно избавляться в познании. Но есть и другого рода субъективность, без которой не может быть объективности познания. Это познавательная активность, усиление которой означает отсеивание субъективного из познания (с. 212). В этом смысле активность познания оказывается равной его конкретности. «Чтобы действительно познать предмет, составить о нем понятие, необходимо с самого начала учитывать активность субъекта, указать ту «систему отсчета», объективную позицию, относительно которой реально существует предмет, и подвергнуть его теоретическому анализу. Таким образом, практика непосредственно входит в формулировку теоретического понятия. Если при выработке понятия не учитывать практического отношения субъекта, то такое понятие не может быть конкретным» (с. 135).

Активность субъекта (познавательная и практическая) есть, по существу, социальная форма движения материи, на уровне которой диалектически совпадают законы деятельности субъекта и законы развития объективной реальности, бытие и мышление, деятельность и отражение. Поэтому активность субъекта исследовалась в литературе прежде всего на материале социального познания. Авторы книги показывают, что не существует принципиальной

границы между познанием истории и познанием природы, что обе разновидности совпадают в существенных определениях.

Они обращаются к материалу современной физики – к теории относительности и квантовой теории. Опираясь на работы ряда советских философов и естествоиспытателей, и прежде всего А.Д. Александрова и В.А. Фока, авторы раскрывают решающее значение принципа активности субъекта в физическом познании. Сущность развития физических теорий, непонимание которой заводит некоторых теоретиков в тупики идеализма, сводится к возрастанию конкретности физического знания. Вся сложность понимания этого процесса состоит в том, что всякое подлинно научное познание всегда было и остается конкретным, т. е. связанным с определенным практическим взаимоотношением субъекта и объекта. Но если раньше, на уровне изучения макрообъектов, на уровне ньютоновой механики добытые истины еще могли быть сформулированы как независимые от практики голые результаты, «оставившие тенденцию позади себя», то теперь практическая деятельность субъекта, связанная с получением знания, должна войти непосредственно в теоретическое определение предмета, отражена в логике понятий. В противном случае знания утрачивают физический смысл. Вот тут-то и обнаруживается недостаточность старого формально-логического понятийного аппарата, абсолютизирующего различие между субъектом и объектом.

В.И. Ленин указывал, что противоположность субъекта и объекта «не чрезмерна», относительна. Это обстоятельство необходимо внимательно учитывать, поскольку в современной физике постоянно возрастает роль принципа относительности. Относительность пространственных и временных характеристик объектов к системе отсчета дополняется в квантовой механике относительностью волновых и корпускулярных свойств микрообъектов к

средствам измерения. Указанные свойства теряют всякий конкретный смысл без точного указания на систему отсчета или на устройство, тип измерительной установки. В такой ситуации отождествление системы отсчета или измерительной установки с самим наблюдателем ведет либо к крайнему субъективизму и релятивизму, либо к крайнему объективизму, в зависимости от того, признается или отвергается влияние прибора на объект познания. Опираясь на марксистско-ленинское учение о практике, авторы показывают неправомерность такого отождествления и рассматривают эксперимент, измерение, прибор как разновидности человеческой практики и ее орудий. В этом своем качестве они и входят в теоретическое определение предмета. Антиномии крайних объективистских и субъективистских точек зрения на роль эксперимента и измерения, систем отсчета и приборов в познании разрешается на основе понимания измерения, прибора как совпадения субъективного и объективного, воплощения единства субъекта и объекта.

Анализируя проблемы квантовой теории, авторы показывают, что противоречивые свойства микрообъектов зависят не от приборов, а связаны с объективной диалектикой свойства и отношения, которая только лишь обнаруживается при воздействии приборов на объекты. Ни свойства, ни отношения сами по себе не исчерпывают качественной определенности объекта. «Свойства объекта существуют лишь в рамках определенных отношений и зависят от них» (с. 273). Поэтому выделение в процессе эксперимента или измерения тех или иных отношений выделяет в объекте те или иные свойства. «Роль прибора заключается не в создании свойств, а в создании условий, позволяющих этому свойству проявляться... Поведение микрообъекта, его свойства определяются конкретной системой, в которой он находится» (с. 279–280); частным случаем такой системы является искусственно созданная

система «прибор – объект». Из этих предпосылок вытекает следующее понимание дуализма волны и частицы: «Буквальная трактовка дуализма частицы как отношения несовместимости справедлива, если речь идет об отношении эмпирических картин, полученных в экспериментальных установках разного типа. Но эта трактовка несостоятельна, когда речь идет о внутренней природе микрообъекта, а не о внешнем выражении» (с. 241). Специфика квантово-механического описания состоит в том, что влияние прибора органически входит в формулировку понятий и законов. От того, как понимается это влияние, зависит выбор между агностико-идеалистической и диалектико-материалистической трактовками квантовой механики. Авторы подвергают аргументированной критике концепцию неконтролируемого взаимодействия прибора и объекта и развивают концепцию В.А. Фока о взаимодействии как логическом стыке разнородных двух систем описания: квантово-механической (на стороне объекта) и классической (на стороне прибора). Активность субъекта выступает здесь как активная роль логических категорий при переходе от одной системы описания к другой, в синтезе адекватной научной картины действительности.

Содержание глав, посвященных современному физическому познанию, не исчерпывается вопросами квантовой теории, но приведенные примеры хорошо иллюстрируют сильные стороны рецензируемой работы. Авторы не уходят в натурфилософские рассуждения, оставляют физике физическое и сосредоточивают внимание на логической стороне физического познания, т. е. осуществляют именно методологическую функцию философии (которую столь часто ошибочно принимают за методическую), состоящую в том, чтобы «разъяснить» человеку «смысл его собственных действий» (К. Маркс). А смысл их заключается в том, что «современное естествознание рождает диалектический материализм»,

причем всякий раз по-новому. Об этом убедительно свидетельствует анализ многообразных форм возрастания активности субъекта в познании.

Наряду с отмеченными достоинствами, книга не лишена и некоторых недостатков, имеющих частный характер. Авторы подробно выясняют роль практики как основы познания и критерия истины. В то же время в тени остается вопрос о практике как цели познания. Ведь познавательная активность субъекта, будучи проекцией его практической материальной активности, является одновременно и важнейшей предпосылкой будущей творческой деятельности. Ценные мысли, высказанные авторами по этому вопросу во второй главе (с. 118 и др.), и являющиеся хорошей основой для понимания природы творчества, не получили, к сожалению, дальнейшего развития. В то же время, в книге есть неоправданные повторы и длинноты. Необходимо отметить также наличие ряда неоговоренных опечаток, искажающих смысл текста.

В целом книга Ж.М. Абдильдина и А.С. Балгимбаева должна быть оценена положительно, как серьезное исследование, вносящее определенный вклад в разработку проблем материалистической диалектики как логики и теории познания.